

УДК 330.837:316.462:316.346.2

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ ГЕНДЕРНОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННЫХ СЕМЬЯХ

Е. В. Базуева

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Поступила в редакцию 19 марта 2012 г.

Аннотация: в статье синтез инструментария институциональной теории, гендерной экономики* и синергетики применен к исследованию гендерных взаимодействий в современных семьях. Установлено, что цели жизнеповедения мужчин и женщин в экономике семьи определяет действующая в России разветвленная сеть институтов гендерной власти. Обосновано, что экономика семьи может быть эффективной только в случае когерентности диспозиции власти, определяемой каждым из них. Выявлено, что при отсутствии внешних факторов воздействия на семью возможно достижение разных типов равновесий: традиционного, эгалитарного и переходного. Определены условия достижения эгалитарного типа и предложены направления нивелирования действия институтов гендерной власти в России.

Ключевые слова: экономика семьи, институты гендерной власти, взаимодействие экономических агентов, эффективность.

Abstract: in this article the synthesis of methods of institutional theory, gender economics and synergetics is applied to the study of gender interactions in modern families. We have found that the life's strategies of men and women in family economics are determined by operating in Russia extensive network of institutions of gender power. It is proved that the family economics can be effective only if the disposition of power defined by each of them will be consistent. It was revealed that in the absence of external factors impact on the family it is possible to achieve different types of equilibria: traditional, transitional and egalitarian. When the family interactis with environment the egalitarian type will be optimal. We have defined the conditions under which it can be achieved and we have also suggested the directions of leveling operation of the institutions of the gender power in Russia.

Key words: family economics, gender power institutions, interaction of economic agents, efficiency.

В настоящее время многие ученые и практики говорят о том, что максимальная степень концентрации гендерной дискриминации достигается в семьях; более того, именно семья является основным транслятором существующих гендерных стереотипов, которые, по их мнению, выступают в качестве одной из основных причин ее воспроиз-

водства в современных условиях. Именно поэтому необходимо в первую очередь трансформировать существующие в семье гендерные контракты**. Насколько обоснованны данные утверждения? Какие условия необходимы для трансформации гендерных контрактов в российских семьях? Эффективна ли данная модернизация для экономики современных семей и социально-экономической системы страны в целом? Постараемся ответить на эти вопросы, используя инструментарий синергетики и институционально-эволюционной экономической теории, прежде всего такого его направления, как экономика власти.

Начнем с того, что, как было установлено нами в [3], гендерная дискриминация в экономике семьи и общества в целом соответствует всем признакам

* *Гендерная экономика* – научное направление фундаментальной экономической теории, в рамках которого с помощью инструментария экономической науки исследуется динамика гендерных процессов и явлений, изменяющихся под воздействием системы формальных и неформальных правил, регулирующих принятие решений, деятельность и взаимодействие экономических агентов и распределение результатов экономической деятельности между ними, анализируются издержки воспроизводства гендерной асимметрии на всех уровнях экономики, значительно снижающие эффективность ее функционирования, и определяются траектории оптимизации действующего институционального механизма обеспечения гендерного равенства (см. об этом подробнее [1]).

© Базуева Е. В., 2013

** Напомним, что гендерные контракты наиболее часто определяют как контекстуально обусловленные, иерархически структурированные образцы взаимодействия полов [2, с. 169–170].

экономической власти*. Напомним, что именно категория власти изначально использовалась в феминистской и гендерной экономике для изучения природы дискриминации женщин. Именно поэтому, на наш взгляд, наиболее точно гендерную дискриминацию характеризует понятие гендерная власть, под которой следует понимать *потенциальную возможность субъекта власти осуществлять воздействие на поведение объекта власти посредством угрозы применения санкций с целью максимизации собственной функции полезности (присвоения ренты власти) в условиях асимметрии распределения экономических ресурсов*. Ее перманентное воспроизводство обеспечивается действием *институтов гендерной власти*, под которым мы понимаем особый вид социально-экономического института, сформировавшегося под влиянием объективных условий материального производства (общественного разделения труда). Данный институт можно представить в виде системы относительно устойчивых властных отношений, закрепленных через систему законодательных актов, контрактов и неформальных правил, которые упорядочивают формы взаимодействий субъекта и объекта власти и определяют цели и варианты выбора модели их собственного жизнеповедения [4]. Институты гендерной власти закрепляют соответствующие гендерные (институциональные) роли через систему правил. (Институциональная роль субъекта гендер-

ного взаимодействия – это конечный набор шаблонных функций мужчин и женщин, определяющий их статусы в экономике семьи и общества и выбор целей возможных вариантов поведения, адекватный имеющимся институциональным ограничениям иерархии распределения власти в экономической системе.) Каждый из них формирует собственную систему ограничений для объекта власти в отведенной области регулирования властных отношений. При этом для объекта власти их значимость будет различаться в зависимости от его экономической позиции, которая определяется властным потенциалом каждого института. Характеристика институтов гендерной власти, действующих в условиях современной экономики России, приведена в табл. 1. Заметим, что для целей нашего анализа экономика России представлена как закрытая система, т.е. исключен анализ воздействия норм международного права, регулирующих права человека, на национальное законодательство (систему формальных институтов).

Определим эффективность функционирования представленных в табл. 1 институтов гендерной власти с точки зрения влияния на экономику семьи и социально-экономическую систему в целом.

В аспекте выбранной методологии исследования необходимо представить семью и действующие в ней институты гендерной власти в виде закрытой системы, т.е. исключив воздействие внешних институтов гендерной власти на определение диспозиции власти внутри семьи. Схематично данный процесс взаимодействия системы институтов гендерной власти в семьях отражен на рис. 1.

* Методология исследования гендерной власти с помощью инструментария институционально-эволюционной экономической теории и гендерной экономики представлена в работах автора [1; 3; 4].

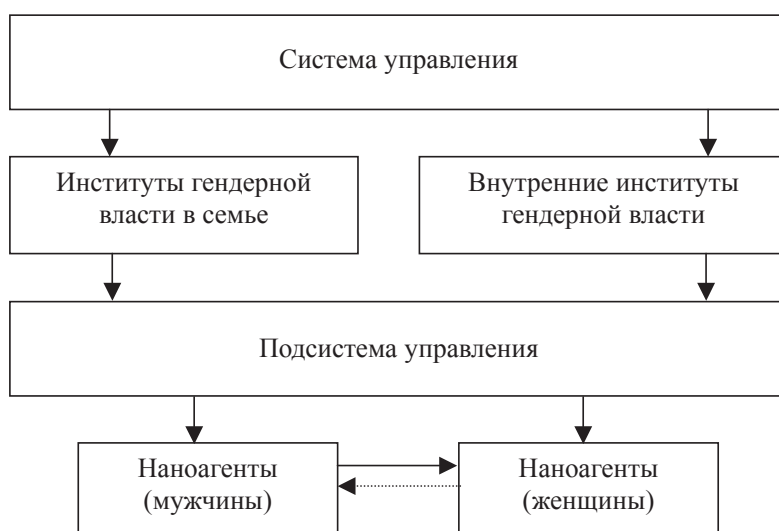

Рис. 1. Структура подчинения целей жизнеповедения мужчин и женщин в семье (сплошной линией обозначены реальные связи властного воздействия; пунктиром – номинальные, характерные для незначительной части современных семей России)

Система институтов гендерной власти в современной России

Институты (субъекты)	Объект власти	Цели власти	Функции власти	Диспозиция гендерной власти		Виды санкций за нарушение диспозиции власти
				Содержание	Институциональная роль	
Власть государства	Все экономические агенты национальной экономики	Установление фундаментальных правил экономического поведения. Обеспечение соблюдения экономических и гражданских прав	Является основанием для власти частных экономических агентов, базирующейся на обладании собственностью или на правах власти, предоставляемых государством	Ограничение доступа к ресурсам и благам. Закрепление формального гендерного равенства. Приоритетное государственное финансирование «мужских» отраслей экономики. Закрепление за женщинами статуса работника с семейными обязанностями и основного получателя социальных услуг	Для мужчин – работник-профессионал; для женщин – работающая мать	Государственная система принуждения
Власть организации	Сотрудники и организация; другие организации, взаимодействующие с ней	Оказание прямого влияния на поведение других экономических и государственных агентов	Максимизация прибыли в результате использования более дешевого и квалифицированного женского труда	Потеря части доходов в результате изъятий со стороны субъекта власти (гендерный разрыв в оплате труда). Зависимость вакансий от наличия семейных обязательств. Для продвижения по карьерной лестнице к работникам руководители мужчины могут применять сексуальное домогательство	Для мужчин – работник, не обремененный семейными обязанностями; для женщин – работник, обремененный семейными обязанностями	Система принуждения, которая принята в организации и осуществляется самой организацией
Власть социального окружения	Участники группы	Контроль за поведением участников группы	Формирование гендерно стереотипной модели жизнеповедения	Воспроизводство стандартных моделей жизнеповедения: для женщин – работающей матери или домохозяйки; для мужчин – кормильца семьи	Для мужчин – кормилец и опора семьи; для женщин – домохозяйка	Санкции, осуществляемые социальной группой (общественное осуждение)
Власть в семье в лице ее главы	Женщины и мужчины	Использование ресурсов объекта власти с целью присвоения ренты власти	Максимизация выгоды субъекта власти в виде получения ренты власти, возможности выхода за ограниченные рамки собственных ресурсов	Домашние обязанности должны быть четко разделены по признаку пола. Выбор типа семьи, сферы профессиональной деятельности, форм досуга должен соответствовать стереотипу кормильца семьи	Для мужчин – кормилец и опора семьи; для женщин – домохозяйка	Санкции выйдут в зависимости от вида гендерной власти и осуществляются единолично
Внутренняя власть*	Женщины Мужчины	Внутренний контроль за собственным поведением	Модификация структуры целей и мотивации с учетом требований субъекта власти	Действие стереотипов положения. Домашние обязанности должны быть четко разделены по признаку пола. Поведение мужчин и женщин должно соответствовать гендерному статусу	Для мужчин – кормилец и опора семьи; для женщин – домохозяйка	Внутренние санкции, зависящие от норм морали (угрызения совести, чувство вины)

* О действии данного института см. подробнее [5; 6].

Как показывает рис. 1, цели жизнеповедения мужчин и женщин в семьях определяются системой управления, состоящей из института гендерной власти семьи в лице ее главы и внутренних институтов гендерной власти. Каждый из них в соответствии с собственной диспозицией власти определяет институциональную роль, которую субъекты гендерного взаимодействия должны воплощать в жизнь в рамках действующей институциональной среды (см. табл. 1). Что касается определения диспозиции гендерной власти главой семьи, то в настоящее время, как показывают многочисленные исследования, можно выделить три основных типа: традиционный, эгалитарный и переходный.

При *традиционном* типе мужчина выступает в качестве субъекта гендерной власти, женщина – объекта; соответственно, диспозиция гендерной власти предполагает экономическую зависимость женщины от мужчины и приоритет мужчины в решении семейных вопросов. В семьях с *эгалитарной* внутренней структурой наблюдается справедливое, пропорциональное распределение семейных обязанностей, взаимозаменяемость супругов в решении бытовых проблем. При эгалитарных установках не существует гендерно-дифференцированных сфер ответственности, решения в семье принимаются демократично всеми ее членами, т.е. отношения гендерной власти нивелируются. «*Переходные*» модели внутрисемейных отношений, на наш взгляд, характеризуются доминантой женщины, которая принимает важные для семьи решения, организует быт. Данные изменения, предполагают, что объектом власти становится мужчина, а ее субъектом – женщина.

Для определения возможных типов взаимодействия представленных на рис. 1 институтов гендерной власти, действующих в современных семьях, можно использовать один из основных постулатов синергетики, который предполагает, что в высокоэффективной синергетической системе должно быть непременно взаимосодействие, т.е. когерентность поведения между ее отдельными компонентами [7, с. 387]. С этих позиций возможны два основных типа взаимодействий: 1) согласованный – при условии когерентности условий диспозиций власти, определяемых каждым из этих институтов; 2) несогласованный, предполагающий их несоответствие. Рассмотрим данные модели более подробно.

Для *традиционного согласованного типа внутрисемейных отношений* характерно следующее распределение ролей: мужчина – кормилец семьи,

добытчик рыночного капитала; женщина сосредотачивает усилия на накоплении «семейного» капитала [8]. При этом допускается, что женщина может быть занята в общественном секторе экономики. Однако приоритетным для нее все же является ведение домашнего хозяйства. С точки зрения Г. Беккера, такое налаженное распределение домашних обязанностей способствует стабильности брака, так как ожидаемая полезность от выполнения домашней работы у женщины больше, чем полезность от работы в рыночном производстве. Это обусловлено более низкой заработной платой женщин на рынке труда. Данная модель распределения домашних обязанностей является согласованной, так как оба супруга удовлетворены участием в закрепленной сфере деятельности. Если учесть, что 43,2 % российских женщин [9, с. 167] согласны с мнением, что главная их задача – ухаживать за детьми и мужем, а каждая третья считает, что «женщине следует позволять мужу чувствовать свое превосходство даже путем принижения самой себя» (диспозиция института внутренней власти), то данный тип гендерных взаимодействий характерен как минимум для трети российских семей.

Традиционный рассогласованный тип отношений отличается от предшествующего тем, что хотя бы один из супругов не удовлетворен участием в накоплении специфического рыночного или «семейного» капитала, т.е. внутренние установки наноагентов не совпадают с диспозицией гендерной власти, навязываемой им главой семьи. Согласно результатам многих исследований, именно данный тип гендерных взаимодействий, к сожалению, характерен для большинства современных российских семей. Так, контент-анализ 32 проективных сочинений «Моя будущая семья», осуществленный С. В. Заевым в 2005 г., показал, что почти для 40 % респонденток более предпочтительными являются эгалитарные гендерные контракты в семье, где базой отношений выступают не материальный достаток и четкое разделение властных ресурсов, а высокий уровень психологической совместимости. В отличие от них, большинство юношей (75 %) характеризуют традиционные представления об экономике семьи: ставя себя на место главы и кормильца, они взамен рассчитывают получить эмоционально-психологическую и сексуальную поддержку [10, с. 28–29].

Модель эгалитарных согласованных отношений является гендерно-справедливой, так как учитываются интересы обоих супругов, наблюдается

симметрия при распределении домашних обязанностей. При этом выбор каждого члена семьи относительно того, на что тратить свое время (на работу в рыночном секторе или в домашнем хозяйстве), зависит от соотношения заработков на рынке труда, альтернативных издержек на производство благ в домашнем хозяйстве и эгалитарных установок поведения супругов. Необходимо отметить, что, как показывают исследования [11; 12 и др.], участие мужчин в домашней работе будет увеличиваться с ростом статусных позиций женщин в общественном производстве. Кроме того, на данный процесс влияет положительная динамика показателей развития национальной экономики. Данный тезис подтверждают и результаты нашего лонгитюдного обследования семей Пермского края в период 2001–2009 гг., в которых выявилась динамика соотношения затрат времени на обслуживание семьи между мужчинами и женщинами (табл. 2).

Т а б л и ц а 2
Время, затрачиваемое на обслуживание семьи ее членами (ч)

	2001 г.	2006 г.	2009 г.
Мужчины	1,53	2,14	3,34
Женщины	4,52	3,15	6,40

Максимальная полезность достигается в тех случаях, когда часть домашних обязанностей берет на себя муж, а часть обязанностей по воспитанию детей берет на себя государство (организация доступных детских садов, кружков для детей старшего возраста и т.п.). Возможен вариант и частичной «коммерциализации заботы» (термин Е. Здравомысловой) о членах семей, однако для большинства российских семей он пока финансово не доступен [13].

Эгалитарных рассогласованных отношений между мужчиной и женщиной, на наш взгляд, быть не может, так как понятие эгалитарность подразумевает наличие согласованных, справедливых отношений, устраивающих обоих супругов.

«Переходный» тип согласованных отношений между супругами предполагает преобладание матриархальных установок поведения, при котором решения принимаются преимущественно женщиной, при условии, что члены семьи удовлетворены таким гендерно-дифференцированным распределением обязанностей, т.е. диспозиция гендерной власти, определяемая главой семьи в лице женщины, совпадает с диспозицией институтов внутренней власти наноагентов – мужчины и женщины. К примеру, женщина является основным добытчиком рыночного капитала, а накоплением специфичес-

кого «семейного» капитала занимается, в основном, мужчина. Максимизация полезности достигается в том случае, когда у мужчины уровень заработной платы значительно ниже, чем у женщины, или же подобные различия существуют в уровне образования партнеров. Заметим, что, согласно институциональной теории, уровень образования является определяющим фактором формирования заработной платы. Однако в условиях современной России данное положение, как показывают статистические данные, пока не соблюдается.

«Переходный» тип рассогласованных отношений также подразумевает приоритет женщины в вопросах ведения семейного хозяйства, отсутствие взаимозаменяемости супругов в решении бытовых проблем. При этом члены семьи не удовлетворены таким распределением домашних обязанностей, т.е. налицо несогласованность диспозиции гендерной власти, определяемой главой семьи и внутренними институтами гендерной власти. Например, в семье, где добытчиком основного капитала является женщина, предполагается, что мужчина, в меньшей степени занятый на рынке труда или не занятый вообще, должен выполнять определенные обязанности по ведению домашнего хозяйства в обмен на экономическую поддержку со стороны женщины. Однако в действительности, как показывают исследования, чем в большей степени мужья экономически зависимы от своих жен, тем меньше домашних дел они выполняют. Эта закономерность в наибольшей степени проявляется в семьях с низким уровнем доходов. Соответственно, наблюдается явная рассогласованность в данном типе внутрисемейных отношений.

Таким образом, супруги при взаимодействии друг с другом могут достигать разных типов гендерных равновесий, эффективных для экономики их семьи. Однако, при этом семья была представлена нами как закрытая система без внешних факторов воздействия, что, скорее всего, соответствует условиям идеальной теоретической модели. В реальной действительности семья не может существовать изолированно от внешней среды. Более того, именно благодаря интенсивному (потокному) обмену между веществом, энергией и информацией с окружающей средой в неравновесных условиях [7, с. 387] она, согласно второму постулату синергетики, может стать высокоэффективной синергетической системой. Схематично данный процесс воздействия институтов гендерной власти на экономику семьи представлен на рис. 2.

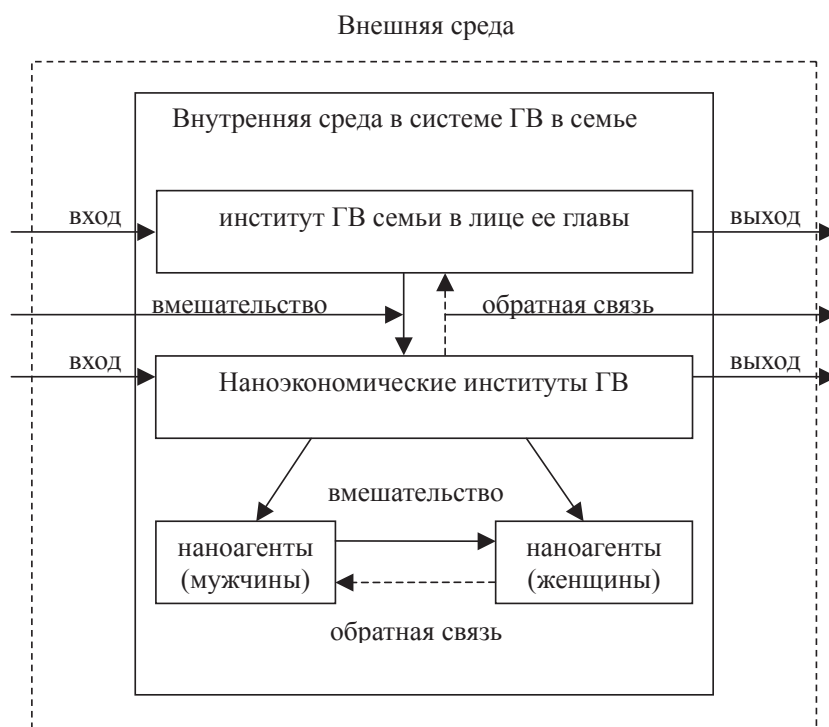

Рис. 2. Институты гендерной власти в семье как многоуровневая синергетическая система

Внешней средой для системы институтов гендерной власти в семье будут выступать: 1) институты гендерной власти, находящиеся на более высоких уровнях иерархии: власть социального окружения, власть организации, власть государства и региона (см. табл. 1); 2) социально-экономическая система страны в целом. В первом типе взаимодействия институтов гендерной власти в семье с внешней средой, согласно первому постулату синергетики, цели функционирования каждого из институтов в данной иерархической системе должны соответствовать друг другу. Следовательно, навязываемые экономическим агентам институциональные роли должны быть когерентны между собой. Как показывает табл. 1, это условие синергетики не выполняется данной системой, что усиливает тенденцию к рассогласованности взаимодействия супругов внутри семьи, поскольку в таких условиях достичь равновесия значительно сложнее. Подтверждением данного тезиса являются высокие значения коэффициента разводимости (количество разводов на 1000 человек населения [14]) в нашей стране, по которым Россия занимает первое место в мире (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Показатель разводимости в России в 2004–2009 гг.

	2004 г.	2006 г.	2008 г.	2009 г.
Коэффициент разводимости	4,4	4,5	5,0	4,5

Во втором типе взаимодействия необходимо учитывать уровень развития социально-экономической системы, которая определяет объективную основу функционирования любого института – материальные условия производства, или, используя терминологию В. Ойкена, *тип хозяйственного порядка* [15]. Какой же тип гендерного взаимодействия в семье будет наиболее эффективен с точки зрения воздействия на институты гендерной власти социально-экономической системы в целом? Как показывают результаты многочисленных эконометрических исследований, осуществляемых зарубежными учеными, чем ниже уровень гендерной власти в экономике семьи, тем выше уровень развития национальной экономики и ее конкурентоспособность. Взаимозависимость между темпами экономического роста и достигнутым уровнем гендерного равенства международными экспертами объясняется повышением эффективности в результате оптимизации использования трудовых ресурсов и инвестиций в формирование трудового и человеческого капитала страны. В целом, согласно экспертным оценкам ООН, издержки функционирования системы институтов гендерной власти могут составлять для национальной экономики от 42 до 46 млрд дол. в год [16].

Следовательно, с этих позиций оптимальным для современного этапа развития общества действительно является нивелирование концентрации

гендерной власти в экономике семьи, что соответствует эгалитарному типу согласованного взаимодействия между супругами.

Установление эгалитарного типа гендерного взаимодействия в экономике семьи возможно только в условиях, приближенных к условиям конкурентного порядка (терминология В. Ойкена), когда степень концентрации власти незначительна, поскольку она ограничена сферой свободы другого экономического агента [15]. В этом случае субъектом гендерной власти становится рынок, а мужчины и женщины – рационально действующими индивидами на брачном рынке [4]. В аспекте методологии институциональной экономической теории это означает следующее. Эффективный брачный рынок присваивает всем участникам временные доходы или «цены», которые служат стимулами для вступления в подходящие браки. «Временные цены» используются также при выборе «качества» будущего партнера. Г. Беккер отмечает, что «мужчины и женщины более высокого качества вступают в брак с себе подобными, а не подбирают партнеров более низкого качества, тогда, когда эти качества являются взаимодополняющими. Выбор по сходству оптимален, когда признаки являются взаимодополняющими, а выбор по различию – когда они являются взаимозаменяемыми, так как партнеры высокого качества в первом случае усиливают, а во втором – дублируют характеристики друг друга. Как поясняет Г. Беккер, в ситуации, когда признаки являются взаимодополняющими, выигрыш от женитьбы на женщине данного качества больше для высококачественного мужчины, а когда они являются взаимозаменяемыми – для низкокачественного» [8, с. 390]; оптимальная сортировка на брачном рынке определяется набором равновесных доходов.

В аспекте выбранной методологии исследования это означает следующее. Женщины под действием внутренних институтов гендерной власти изначально выбирают мужчин более низкого качества, поскольку на брачном рынке они «занижают свою цену», тогда как мужчины, напротив, склонны свою цену завышать. В связи с этим Г. Беккер подчеркивал: «некоторые участники выбирают себе партнеров худшего «качества», поскольку полагают, что партнеры «лучшего качества» слишком дороги» [8, с. 381]; иными словами, им не доступны. Можно предположить, что такая ситуация связана с несоответствием спроса и предложения на брачном рынке. Однако данные Роскомстата свидетельствуют об обратном: соотношение

мужчин и женщин в возрастных группах с наиболее высокой вероятностью вступления в брак в 2002 г. было примерно одинаковым (табл. 4) [17, с. 10].

Т а б л и ц а 4
Соотношение мужчин и женщин на брачном рынке в 2002 г. (%)

Возрастные группы	Женщины	Мужчины
От 20 до 24 лет	50,4	49,6
От 25 до 29 лет	50,1	49,9
От 30 до 34 лет	50,0	50,0
От 35 до 39 лет	49,2	49,8

Значит, установлению «оптимальной сортировки» на брачном рынке мешает именно наличие ограничений в результате действия институтов гендерной власти. К данным ограничениям относим, во-первых, *существование субъективных форм гендерной асимметрии на рынке труда*, когда оплата по одинаковым должностям сегментирована по признаку пола, в результате чего заработная плата у женщин значительно ниже, чем у мужчин. Так, например, по данным Росстата разница в заработной плате женщин и мужчин в 2010 г. составила в среднем по отраслям экономики России 34 % [14]. (Отметим, что этот показатель учитывает только данные по крупным и средним предприятиям. Включение в статистику малых предприятий, скорее всего, усилило бы этот разрыв, ввиду того, что «на таких предприятиях прямая дискриминация женщин в оплате труда, как показывают исследования, не является таким уж редким исключением». В среднем по миру данный разрыв составляет только 16,5 % [18, с. 10].) Причем объективно обусловленным, как показывают исследования А. В. Суворова, является только половина (17,4 %) данного гендерного разрыва в оплате труда, связанная с оценкой уровня вклада единицы трудовых ресурсов соответствующего пола в производство ВВП и с соотношением оценок продукции отраслей экономики по их факторной стоимости [19]. Следовательно, вторая половина гендерных различий по заработной плате присваивается субъектами гендерной власти в виде ренты власти. Так, в условиях острой конкуренции значительного числа женщин, имеющих соответствующее образование, за получение ограниченного числа рабочих мест компании выплачивают женщинам более низкую заработную плату по сравнению с их производительностью труда, получая при этом «сверхприбыли». Более того, действие системы институтов гендерной власти в экономике современной России позволяет увеличивать размер данной ренты власти в зависимости от наличия детей у мужчин и

женщин. По результатам эконометрического анализа данных выборочного обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» К. Г. Абазиевой было установлено, что «штраф за материнство» составляет около 7 % от среднемесячной заработной платы женщин, а так называемая «премия за отцовство» – в размере 17,3 % от среднемесячной заработной платы мужчин [20, с. 21–23].

Во-вторых, *отсутствуют общепризнанные в обществе критерии оценки работы по дому*, она представляет ценность только для конкретной семьи, следовательно, данный вид занятости не ликвиден, что принципиально отличает ее от такого типа ресурса, как деньги, который может предложить для обмена «кормилец». В предельном случае, как отмечает Е. Б. Мезенцева, возможно возникновение «парадокса Кертиса», когда кормилец отчуждает объем домашнего труда, рыночная цена которого существенно превышает денежный доход кормильца [12]. Даже в конкретной семье цена времени, потраченного на ведение домашнего хозяйства, по сравнению с рабочим временем, будет всегда ниже, поскольку данный вид занятости осуществляется в свободное от работы время (в выходные дни или по вечерам), когда «относительная значимость потерянных заработков оказывается ниже» [8, с. 171].

Попытаемся далее определить основные направления оптимизации отмеченных выше ограничений, направленных на нивелирование действия институтов гендерной власти в России.

Первое – необходимо ужесточение санкций за различные проявления гендерной власти. В настоящее время в национальном законодательстве даже отсутствует понятие «гендерная дискриминация». Следовательно, нет необходимости и в создании специализированных структур, контролирующих выполнение санкций за формирование скрытой дискриминации в форме ограничения доступа мужчин и женщин к определенным специальностям и должностям, неравнозначной оценки затрачиваемого человеческого капитала мужчин и женщин в процессе реализации трудовых функций и т.д. Не случайно эксперты ООН, в соответствии со взятыми нашей страной международными обязательствами, настаивают, чтобы в России был разработан и принят Закон «О государственных гарантиях равных прав, свобод мужчин и женщин и равных возможностей их реализации в Российской Федерации». Причем в нем не только должен быть урегулирован запрет гендерной дискримина-

ции во всех областях и установлены эффективные санкции в случае его нарушения, выполнение данного закона должно быть обеспечено необходимыми людскими, финансовыми и техническими ресурсами [21]. Подчеркнем, что еще в 2003 г. подобный закон прошел в первом чтении. В феврале 2011 г. министр Минздравсоцразвития вновь отметила важность его принятия, однако речь о его ресурсном обеспечении, как, впрочем, и ранее, не идет. В этом случае он может стать очередным квазиинститутом достижения гендерного равенства.

Второе – нивелирование диспозиции институтов внутренней власти зависит прежде всего от изменения ментальности населения. Следовательно, необходимо гендерное просвещение населения, которое предполагает: 1) введение гендерных курсов по непрерывной технологии детский сад – школа – техникум – вуз; 2) создание социальной рекламы, направленной на устранение гендерной неграмотности; 3) производство демонстрационных фильмов, обучающих основам гендерной методологии в доступной и увлекательной для населения формах; 4) компетентное освещение гендерных вопросов в СМИ.

Третье – для уменьшения гендерного разрыва в трудовых доходах мужчин и женщин необходим комплекс мероприятий. Со стороны *Правительства РФ*: 1) создать специальные правительственные структуры, официально ответственные за улучшение статуса женщин и соблюдение их прав на рынке труда, а также обеспечить перманентное выделение адекватных финансовых и человеческих ресурсов; 2) разработать комплекс мер по государственной поддержке женского предпринимательства, т.е. вовлечения их в высокодоходные отрасли экономики. *Профсоюзы* должны воздействовать на работодателей путем включения гендерных вопросов в тарифные соглашения между объединениями работодателей и работников, а также в коллективные договоры. На уровне *отдельных предприятий* и организаций перспективной формой оценки результатов решения гендерных проблем может стать гендерный аудит, который впервые был осуществлен МОТ в 2001–2002 гг. в соответствии с Планом действий по достижению гендерного равноправия и интеграции гендерных вопросов в деятельность МОТ [22, с. 150]. Подчеркнем, что изменение восприятия гендерных проблем в рамках методологии гендерного аудита происходит «по цепочке», т.е. от отдельных людей далее к рабочему подразделению и от рабочего подразделения – к более высоким уровням организации. Следовательно, на наш

взгляд, он может способствовать изменению восприятия гендерной компоненты не только на отдельном предприятии, но и в семьях сотрудников, а также в обществе в целом. Гендерная подготовка управленческих кадров может осуществляться и другими способами, например, путем организации различных курсов по повышению гендерной квалификации, направленных на всех субъектов социального партнерства: государственных служащих, работодателей, работников профсоюзов, организаций и предприятий. Кроме того, для индивидуального обучения, на наш взгляд, эффективно было бы использовать, применяемые менеджерами технологии по типу «Корпорация “Я”», т.е. человек описывает себя в качестве корпорации, оценивая свои сильные и слабые стороны, исходя в том числе из своего внешнего окружения. Это позволило бы снизить влияние гендерных стереотипов положения при выборе женщинами сфер применения своего человеческого капитала.

Четвертое направление предполагает адекватность оценки домашнего труда, в том числе как одного из секторов экономики, и поднятие престижа данного вида деятельности, что, с одной стороны, значительно повысит альтернативные доходы женщин в семейной экономике, а с другой – обеспечит равноценное вовлечение мужчин в этот вид деятельности. Как отмечает Д. Плек, участие мужей в уходе за детьми и в выполнении домашних обязанностей оказывает положительное влияние на оценку мужьями и женами удовлетворенности их семейной жизнью [12]. Кроме того, в таких семьях, с позиций теории человеческого капитала, «дети имеют более высокое качество, чем дети из традиционной семьи, так как они получают больше вложений: и в виде материальных затрат на образование, и в виде затрат времени на передачу навыков совместного ведения хозяйства и воспитания детей» [23, с. 54]. В результате, «издержки» неэффективных взаимодействий мужчин и женщин будут сведены к минимуму на всех уровнях экономики, что в конечном итоге повысит эффективность функционирования социально-экономической системы страны в целом и экономики семьи в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базуева Е. В. Гендерная экономика как новое направление фундаментальной экономической теории / Е. В. Базуева // Экономическая наука современной России. – 2010. – № 3 (50). – С. 40–51.
2. Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России / А. Роткирх, А. Темкина // Российский гендерный порядок: социологический подход : коллективная монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. – С. 169–200.
3. Базуева Е. В. Власть как предмет исследования гендерной экономики / Е. В. Базуева // Женщина в российском обществе. – 2011. – № 2. – С. 3–14.
4. Базуева Е. В. Гендерная экономика как иерархическая система / Е. В. Базуева, Ю. К. Перский // Журнал экономической теории. – 2011. – № 2. – С. 7–20.
5. Батлер Дж. Психика власти : теории субъекции / Дж. Батлер ; пер. З. Баблюяна. – Харьков : ХГЦИ ; СПб. : Алетей, 2002. – 168 с.
6. Ожигова Л. Н. Психология гендерной идентичности личности / Л. Н. Ожигова. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2006. – 290 с.
7. Колесников А. А. Синергетика и научное познание / А. А. Колесников // Синергетика и проблемы теории управления / под ред. Колесникова. – М. : ФИЗМАТЛИТ, 2004. – С. 379–398.
8. Беккер Г. Человеческое поведение : экономический подход : пер. с англ. / Г. Беккер. – М. : ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.
9. Попова Л. В. Отношение к социальным ролям женщин : кросскультурное исследование / Л. В. Попова // Гендерные аспекты социальной трансформации. – М., 1996. – С. 167.
10. Заев С. В. Элементы контракта отношений в семейных представлениях молодежи / С. В. Заев // Личность как субъект экономического бытия : гендерный аспект. Гендерный анализ экономических отношений в семье, профессиональной деятельности, политике, сфере развлечений : материалы V Всерос. науч.-практ. семинара. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2005. – С. 28–29.
11. Балабанова Е. С. Социально-экономическая зависимость женщин / Е. С. Балабанова // Женщины России на рубеже XX–XXI вв. : материалы междунар. науч. конф. – Иваново : Юнона, 1998. – С. 179–182.
12. Мезенцева Е. Б. Гендерное разделение домашнего труда : основные тенденции и вопросы экономической оценки / Е. Б. Мезенцева // Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики / отв. ред. и сост. М. Е. Баскакова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – С. 50–72.
13. Новый быт в современной России : гендерные исследования повседневности : коллективная монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Темкиной. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. – 524 с.
14. Женщины и мужчины России. 2010 : стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 281 с.
15. Ойкен В. Основы национальной экономики : пер. с нем. / В. Ойкен / общ. ред. В. С. Автономова, В. П. Гутника, К. Херрманн-Пиллата. – М. : Экономика, 1996. – 351 с.
16. Hausmann R. The Global Gender Gap Report 2009 / R. Hausmann, L. D. Tyson, S. Zahidi. – Режим доступа:

<http://www.weforum.org/en/initiatives/gsp/Gender%20Gap/index.htm>

17. Основные итоги переписи населения 2002 г. – М. : Госкомстат, 2003. – 453 с.

18. Гендерная дискриминация в сфере труда : общий обзор : учеб.-метод. материалы и материалы тренинга. – М. : АНО «Институт сравнительных исследований трудовых отношений», 2010. – 47 с.

19. Суворов А. В. Макроэкономический анализ гендерных различий в заработной плате / А. В. Суворов // Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики / отв. ред. и сост. М. Е. Баскакова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – С. 147–150.

20. Абазиева К. Г. Статистическая методология оценивания гендерной асимметрии социально-экономи-

ческих процессов в России : автореф. дис. ... д-ра экон. наук / К. Г. Абазиева. – Ростов н/Д., 2011. – 82 с.

21. Мировой обзор о роли женщин в развитии в 2009 г. : доклад Генерального секретаря ООН «Контроль женщин над экономическими ресурсами и доступ к финансовым ресурсам, в том числе по линии микрофинансирования». – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/372/27/PDF/N0937227.pdf?OpenElement>

22. Мелех И. Н. Гендерный аудит : опыт Международной организации труда / И. Н. Мелех // Гендерное равенство : поиски решения старых проблем. – М., 2003. – 150 с.

23. Калабихина И. Е. Гендерный фактор воспроизводства человеческого капитала / И. Е. Калабихина // Вестник МГУ. Сер. 6, Экономика. – 1998. – № 5. – С. 50–55.

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Базуева Е. В., кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и отраслевых рынков

E-mail: bazueva.l@mail.ru

Тел. 8(342) 2-396-588

Perm State National Research University

Bazueva E. B., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Economic Theory and Branch Markets Department

E-mail: bazueva.l@mail.ru

Tel. 8(342) 2-396-588